

Юный Омега, столь несведущий в этом вопросе, не понимал, какие слова он говорит Альфе, которому перевалило за тридцать. Его наивность была такой, что вызывала желание немедленно покорить его.

Цзян Шаочжи редко общался с Омегами. Все, что он знал, было из разговоров его подчиненных Альф об их партнерах.

Омеги казались хрупкими, нуждающимися в заботе и внимании, с высокомерным и деликатным нравом; требовалось постоянно учитывать их чувствительное, изменчивое настроение. Они были подобны ценным животным, которые всегда нуждаются в защите.

Цзян Шаочжи не понимал той радости, которую Альфы испытывали после парного распределения. Но когда государство распределило пару ему, еще до встречи, само взаимодействие феромонов в воздухе, столкновение их ароматов, — трепет и восторг, возникшие в тот самый миг, были несравнимы ни с одной самой славной битвой Цзян Шаочжи.

Он почувствовал, что их кровь словно связана с рождения. Еще не увидев истинного лица своего маленького Омеги, там, среди обломков под огнем, он уже желал запечатлеть его, завладеть им без остатка.

Альфы всегда чтит свои внутренние желания: не согласен — сразись и заставь подчиниться; хочешь чего-то — борись изо всех сил. Цзян Шаочжи не был исключением.

Он немного успокоился, убирая руку с плеча маленького Омеги.

— Впредь не говори больше таких слов бездумно.

Тун Цинхэ проявил свое прилежное и пытлиное начало:

— Почему? Дядя, я сказал что-то не так?

Цзян Шаочжи: — Ты не сказал ничего неверного, но никогда не говори так ни одному Альфе. И не стоит недооценивать жажду каждого Альфы к Омеге.

Тун Цинхэ понял не до конца, и Цзян Шаочжи вывел его из тира, держа за руку.

Цзян Шаочжи вдруг подумал, что «буддийское» спокойствие его Омеги, возможно, не так уж и хорошо. Если он может так легко прощать Альфе чрезмерную собственническую тягу, то, вероятно, и с другими Альфами он обычно обходителен.

Цзян Шаочжи внезапно захотелось, чтобы Тун Цинхэ был более капризным, и он осознал свою собственную альфа-угрозу.

По крайней мере, нужно было внести некоторые изменения, поэтому Цзян Шаочжи спросил:

— Как тебя называют дома?

Тун Цинхэ ответил: — Сестра и Сяо Кэ зовут меня Сяо Хэ.

Цзян Шаочжи вспомнил, что Сяо Кэ — это Юй Сяо Кэ, о которой Тун Цинхэ упоминал в сообщении. Вероятно, это тоже Омега. Угроза устранена.

— А как бы ты хотел, чтобы я тебя называл?

Тун Цинхэ подумал, что его Альфа-дядя слишком придает значение ритуалам, возможно, из-за своего статуса Альфы. Он слышал, что Альфы очень дорожат лицом, поэтому, как Омега, он должен быть более терпимым. Он сказал:

— Неважно, можешь просто называть по имени.

Цзян Шаочжи промолчал. Он подумал, что называть его просто по имени не очень хорошо, потому что это не звучало интимно. А из более эгоистичных побуждений он хотел сохранить между ними нечто особенное. Ему нужно было сейчас наладить отношения с маленьким Омегой, ведь тот пока не полностью принял этот брак.

Совместное проживание до брака звучало заманчиво, но он хотел, чтобы все было по закону.

Цзян Шаочжи слегка прочистил горло: — Тун-тун.

Тун Цинхэ повернул голову и улыбнулся. С позиции Цзян Шаочжи он мог видеть, как маленький Омега наклонил голову, достал коммуникатор и нажал на нем несколько кнопок.

Когда Тун Цинхэ снова поднял руку, Цзян Шаочжи увидел на экране его коммуникатора, что его имя в контактах было изменено на два иероглифа: Цзян-цзян.

Тридцатилетний, закаленный в боях Альфа впервые почувствовал, как у него загорелись уши.

Вскоре после наступления ночи Тун Цинхэ поужинал с Цзян Шаочжи в столовой базы, и его отвезли обратно в отель.

По пути Цзян Шаочжи просмотрел несколько записей тренировок Альф и выслушал десятиминутный отчет по телефону. Машина подъехала к отелю, Цзян Шаочжи снял наушники, и они с Тун Цинхэ обменялись понимающими взглядами.

Взгляд Цзян Шаочжи был откровенным и прямым. Тун Цинхэ был еще слишком юн и неопытен, поэтому первым отвел глаза.

Поскольку на переднем сиденье был водитель, он нарочно понизил голос:

— Дядя, тогда я пойду. Спасибо, что довез меня.

Дверца машины уже была открыта, когда Цзян Шаочжи внезапно окликнул его:

— Подожди.

В то же мгновение поднялась перегородка, герметично отделяя узкое пространство Альфе и маленькому Омеге.

— Дядя, что случилось? — Тун Цинхэ уже вышел из машины, но, услышав, как Цзян Шаочжи его остановил, наполовину подался обратно в салон. Этот жест пришелся Цзян Шаочжи по душе. Он нерешительно обхватил его рукой: если бы Тун Цинхэ воспротивился, Цзян Шаочжи не смог бы гарантировать, что уберет руку.

Тун Цинхэ не стал препятствовать действиям Цзян Шаочжи. Его положение вынуждало его почти прижаться к Альфе. Его янтарные глаза выражали полное недоумение.

Он повторил вопрос: — Дядя, что случилось?

Цзян Шаочжи слегка приподнял лицо маленького Омеги к себе и произнес слова, которые он заранее обдумал и прокрутил в голове несколько раз.

— Я хочу серьезно развивать этот брак и идти к нему. Ты пока не хочешь жениться, и я это понимаю и уважаю. Мы уже несколько раз встречались, и можно использовать время, чтобы больше общаться и развивать чувства, чтобы заранее подготовиться к браку или совместному проживанию. Разве не так?

Тун Цинхэ подумал, что его Альфа-дядя продумал все до мелочей, чего он сам не учел. Он все еще был слишком молод. Поэтому он кивнул в знак согласия:

— Да, сначала нужно наладить отношения.

Цзян Шаочжи вздохнул с облегчением и сильнее сжал руку, обнимающую маленького Омегу.

— Тогда... возможно, мы можем начать с поцелуя.

Не только юный Омега, но и Альфа, перешагнувший тридцатилетний рубеж, синхронно почувствовали, как у них загорелись лица от этих слов, ведь ни один из них еще не целовался.

Цзян Шаочжи спросил: — Можно?

Лишь спустя полминуты Тун Цинхэ тихо ответил: — Наверное, да.

И ни один из них не отступил, но и не сделал решительного шага вперед. Тун Цинхэ и Цзян Шаочжи долго смотрели друг на друга вблизи, а затем одновременно подались навстречу.

Теплые губы соприкоснулись, легкий, мимолетный поцелуй, словно касание стрекозы.

Тун Цинхэ уже не мог сдерживаться: из него медленно полился застенчивый аромат жасмина. Этот тонкий, чистый и сладкий запах остался на губах Цзян Шаочжи. Альфа, который только что хотел ослабить хватку, снова напрягся, и сандал хлынул наружу, заполняя все собой.

Тун Цинхэ был втянут обратно в машину. Двери заблокировались. Водитель, заметив, что происходит что-то неладное, вышел из машины и отошел подальше.

Сладкий аромат феромонов Альфы и Омеги наполнил весь салон. Застенчивый жасмин спрятался в углу, но сандал, распространяясь, заполнил каждый свободный уголок.

Жасмину негде было скрыться, и он был плотно окутан терпким, горьковатым сандалом. Феромоны смешались, и запах, который в итоге вдыхался, было невозможно различить: жасмин приобрел легкую терпкость и горечь, а сандал нес тонкую сладость. Они перемешались, и теперь их невозможно было разделить.

Когда Цзян Шаочжи выпустил Тун Цинхэ из машины, тот чувствовал себя, словно парит в воздухе. Они должны были расстаться полчаса назад, но из-за того, что ему не сразу удалось взять под контроль свои феромоны, потребовалось так много времени, чтобы успокоиться, и ему было невероятно жарко.

Цзян Шаочжи сказал: — Я провожу тебя.

Бета, как правило, не привлекает внимания. Цзян Шаочжи надел кепку, они умели скрывать свои передвижения, и пара благополучно добралась до номера в отеле.

Тун Цинхэ наморщил носик, понюхав свой рукав:

— Дядя, мне кажется, я весь пахну твоими феромонами, это мне кажется?

Цзян Шаочжи кивнул: — Мои феромоны слишком властные и сильные. Зайди и сначала помойся, и не забудь освежить воздух.

Тун Цинхэ мило улыбнулся, прищурился глазами:

— А мои феромоны послушные, не пристаю к тебе.

На самом деле жасмин так напугался, когда его обволакивали в течение этих полчаса, что он чувствовал головокружение и оцепенение, и теперь не осмеливался снова вырваться наружу.

Цзян Шаочжи с полным удовлетворением погладил маленького Омегу по макушке, и струйка сандала снова просочилась, оседая на мягких волосах. Его пальцы коснулись щеки, и она тоже окрасилась запахом.

Тун Цинхэ несколько раз чихнул: — Как вкусно пахнет!

Цзян Шаочжи придал лицу строгое выражение: — Заходи. — Он притянул своего маленького Омегу поближе и дал наставление: — За твою безопасность отвечают другие, и я не вмешиваюсь в то, кто тебя защищает, но не сближайся с этим Чжоу Чэ.

— И не прикасайся к его ментальному облику.

Тун Цинхэ: «...»

Что касается безопасности Тун Цинхэ, Цзян Шаочжи, разумеется, уже переназначил в отеле нескольких надежных подчиненных. Своего Омегу он будет защищать сам.